

ШЕСТЬДЕСЯТ ОДИН ДЕНЬ

Первое июня. Ясный летний вечер. Понедельник. Пролетев над улицами Дублина, я наконец-то добралась туда, куда нужно. В дом проникла сквозь крышу. Вместе с небесным светом просочилась в гостиную. Здесь, должно быть, живет женщина. В обстановке комнаты, в ее мебелировке чувствуется женская рука: покрывало в пастельных тонах на диване и все такое прочее... Два комнатных растения в горшках... Их, видно, регулярно поливают. Телевизор скромных габаритов...

Кажется, я прибыла в разгар какого-то мероприятия. Несколько человек стоят кружком, попивая из бокалов шампанское и делая вид, что непринужденно смеются над шутками друг друга. Люди разного возраста и пола. Должно быть, семейное торжество.

Открытки с поздравлениями ко дню рождения. Разорванная оберточная бумага. Подарки... Сейчас они обсуждают идею похода в ресторан. Желая разобраться что к чему, я прочла поздравительные открытки. Все они адресованы некой Кейти, которой стукнуло сорок лет. Не думала, что подобное событие может стать поводом для веселья, но на этот раз, кажется, я ошиблась.

Я отыскала среди гостей Кейти. Выглядела она гораздо моложе своих сорока. Впрочем, говорят, сорок лет — это новые двадцать. Высокая темноволосая женщина с роскошным

бюстом. Она играючи умудрялась сохранять равновесие, стоя в ботфортах на тонюсеньких высоченных каблуках. Ее сила заключалась в добродушии. От нее исходило душевное тепло, словно от симпатичной учительницы младших классов.

Впрочем, никакая она не учительница. Я знаю это, потому что я вообще знаю очень много.

Мужчина, стоящий возле Кейти, излучает «темную» гордость, причем ясно, что не в последнюю очередь — из-за новых платиновых часов, поблескивающих на запястье у Кейти. Это ее приятель, мужчина, бойфренд, любовник... Называйте так, как вам больше нравится.

Интересный, сильный мужчина. Потoki его жизненной энергии настолько интенсивны, что становятся почти видны невооруженным глазом. Признаюсь, я немного заинтригована.

Имя мужчины — Коналл. Так его про себя называют более вежливые члены семьи. Есть и другие прозвища, отнюдь не такие доброжелательные — Хвастун, Ублюдок, — но вслух их, конечно же, не произносят. Чудненко. Мужчины как один испытывают к Коналлу стойкую антипатию. Я отыскала отца, брата и зятя Кейти. Одно и то же... Впрочем, и женщины — мать, сестра и подруга — невысокого мнения о ее новом приятеле.

Я быстро поняла, что Коналл здесь не живет. Мужчина такого склада ни за что не смирится с маленьким телевизором и комнатными растениями, которые к тому же надо поливать.

Я проскользнула вблизи от Кейти. Женщина вздрогнула и прикоснулась рукой к затылку.

— Что с тобой?

Коналл посмотрел на свою подругу так, словно горы готов ради нее свернуть.

— Ничего. Просто кто-то прошелся по моей могиле, — мрачно пошутила та.

Глупости.

— Эй!

Наоми, старшая сестра Кейти, указала пальцем на большое зеркало, которое стояло на полу, прислоненное к серванту.

— А почему твое новое зеркало до сих пор не висит?

— Ну... так, — произнесла младшая сестра, стараясь скрыть нарастающее раздражение.

— Но ты ведь купила его уже давно! Я думала, что Коналл тебе поможет.

— Коналл его повесит, — твердо заверила сестру Кейти. — Завтра утром... до того, как полетит в Хельсинки. Повесишь, Коналл?

Начало ссоры! Меня вихрем несет по комнате. Я отскакиваю, наталкиваясь на стены. От Коналла с Кейти к Наоми и обратно исходят волны неприязни. Флюиды антипатии расползлись по комнате, окутав всех собравшихся в ней людей. *Entre nous...*¹ Мне *ужасно* хотелось узнать, чем все закончится, но неведомая сила подхватила и увлекла меня вниз. Я просочилась сквозь ковер из чистой шерсти, сквозь какие-то замысловатые соединения балок, изъеденных шашелем (надо будет рассказать им об этом), и очутилась в квартире этажом ниже. Ясно — я на кухне. Как грязно и неряшливо! В раковине в стоячей воде громоздятся горы невымытых кастрюль, сковородок, мисок и тарелок. Пол, застеленный линолеумом, не мыли, кажется, с месяц, если не больше. Газовая плита забрызгана следами засохшей пищи так, словно над ней поработала команда сумасшедших поклонников дриппинга². Двое мускулистых молодых парней, склонившись над кухонным столом, ведут оживленную беседу на польском языке. Их лица почти касаются друг друга. В голосах слышатся беспокойные, даже панические нотки. От них прямо-таки исходят волны тревоги. Из-за этого разобраться в их характерах непросто. К счастью, я, как выяснилось, неплохо понимаю по-польски.

Вот примерный перевод того, о чем они говорили:

— Ян! Ты ей скажешь!

— Нет, Анджей! Лучше ты!

¹ Между нами (*фр.*). (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² Дриппинг (от англ. *drip* — капать) — техника живописи, разбрызгивание краски по холсту.

— Я уже говорил ей в прошлый раз.

— Анджей! Она больше считается с тобой.

— Нет, Ян! Как поляку мне трудно с этим смириться, но она абсолютно нас не уважает. Я вообще отказываюсь понимать ирландских женщин.

— Анджей! Поговори с ней сам. Я дам тебе три голубца.

— Четыре — и дело в шляпе.

Боюсь, что последние два предложения я выдумала.

А тем временем на кухню вошла девушка, о которой они столь жарко спорили. Я не поняла, что их так в ней пугает, этих коротко стриженных детин крупного телосложения, чьи сильные руки покрывали татуировки. Девушка, в отличие от парней, ирландка. Милое создание небольшого роста. В глазах сверкают озорные огоньки. Длинные, загнутые ресницы. Волосы изумительно красивыми завитками спускаются ей на плечи. На вид девушке лет двадцать пять. Источаемые ею вибрации искажают воздух вокруг.

В руке она несла полуфабрикат. На вид не ахти какое лакомство. Сероватого оттенка ростбиф, если вам интересно.

— Ну же, — прошипел Ян Анджею.

— Лидия!

Анджей обвел рукой утопающую в грязи кухню. Затем он по-английски произнес:

— Ты хоть когда-нибудь здесь убираешь?

— Иногда убираю, — ответила девушка, выхватывая из подставки вилку. — Но не здесь, к сожалению. Посторонись.

С поспешностью Анджей отошел в сторону, освобождая Лидии путь к микроволновой печи. Девушка порывисто вогнала вилку в покрытый целлофаном ростбиф. Ударов было четыре. Каждый — громкий, словно взрыв петарды. Левый глаз Яна дергался в такт ударам вилки. Затем Лидия швырнула картонную упаковку в микроволновую печь. Я решила воспользоваться благоприятной возможностью и подлетела к ней сзади, желая представиться девушке должным образом. К моему глубочайшему удивлению, Лидия отмахнулась от меня так, словно я докучливая муха.

От меня!

Разве ты не знаешь, кто я?

Анджей попробовал еще раз.

— Лидия! Пожалуйста... Ян и я... Мы убираем и убираем без конца.

— Вам воздастся на небесах, — вздохнув, ответила та.

Заметив в раковине относительно чистый на вид нож, девушка секунду пополооскала его под струйкой воды.

— Мы составили график.

Анджей нерешительно помахал зажатым в руке листком бумаги.

— Вам воздастся и за это.

Какие же белые у нее зубы! Как она заразительно улыбается!

— Ты живешь здесь уже три недели. Ты никогда не убираешь после себя. Ты должна убирать.

Внезапно от девушки хлынула волна горечи и мрака. Да, она будет *убирать*. Но не здесь.

— Анджей! Мой маленький польский любитель капусты! И ты, Ян! Еще один пожиратель капусточки! Посмотрите на все это с другой точки зрения!

Лидия энергично взмахнула зажатым в руке ножом, на котором находилось еще двести семьдесят три вида различных бактерий. Впрочем, как я теперь понимаю, даже самой смелой и героической бактерии ничего не светит, когда дело касается Лидии.

— С другой точки зрения? — удивленно переспросил Анджей.

— Предположим, в одной квартире живут две женщины и один мужчина. Мужчина будет... ничего не делать, а женщинам придется делать все за него. Разве я не права?

Микроволновая печь пикнула. Девушка вынула оттуда свой неаппетитный на вид ужин и с очаровательной улыбкой на устах пошла к себе — рыскать по Интернету.

Вспыльчивая маленькая мадам! Не девушка, а огонь!

— Она называет нас любителями капусты, — с каменным выражением на лице произнес Ян. — Ненавижу ее за это.